

ДОМ С ПОСЛЕДНИМ ЖИЛЬЦОМ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Дом с последним жильцом

<https://litres.ru/74545104>

SelfPub; 2026

Аннотация

Михаил Ковалёв последним остался жить в почти расселённой тверской пятиэтажке. В понедельник он собирался переехать к любимой женщине. В воскресенье она находит его мёртвым на лестнице.

Следователь Евгения Жарова выросла в этом доме. Она помнит соседские ссоры, дворовых друзей и окна собственной кухни. Теперь ей приходится выяснять, кто из прежних жильцов всё ещё возвращается сюда — на тайное свидание, ради нескольких часов тишины или потому, что ночевать больше негде.

За каждой такой причиной скрывается чужая жизнь, которую легко разрушить одним вопросом. Но, щадя старых знакомых, Евгения рискует оставить без ответа главный вопрос: что произошло в доме той ночью?

Содержание

Глава 1. На две порции	4
Глава 2. Второй подъезд	13
Глава 3. Восемнадцатая	24
Глава 4. Незанятый шкаф	36
Глава 5. Квартира без фотографий	45
Глава 6. Тамарина дочь	55
Глава 7. Рубашка для отца	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

А.М. Сунгурский

Дом с последним жильцом

Глава 1. На две порции

Уже в автобусе Раиса вспомнила, что положила одну вилку.

Она полезла в сумку между коленями. Сверху лежала чистая рубашка, ниже, завёрнутый в полотенце, — контейнер с запеканкой. В боковом кармане прощупывались ключи, упаковка таблеток и вилка. Одна. Михаил свои приборы вчера упаковал, все до последней ложки: решил, что так легче будет собраться. Потом звонил и спрашивал, чем ему размешать сахар.

— Отвёрткой, — сказала она. — Помой только.

— Так и знал, что от тебя человеческого слова не услышишь.

Но засмеялся.

Теперь придётся есть по очереди. Она посмотрела в окно и представила, как он будет выбирать большую половину, уверяя, что режет поровну. В запеканке было больше кураги, чем он любил. Не из вредности — слишком поздно спохватилась. Можно было оставить пару кусочков на своей стороне.

Через проход девочка в белой шапке пыталась удержать ухо наушника: оно всё время выскакивало. Мать, не поворачиваясь к ней, поправляла застёжку на рюкзаке. В воскресенье утром люди ехали куда-то с такими серьёзными лицами, словно их там ждали с проверкой.

Раиса тоже волновалась. Хотя везла всего лишь завтрак.

Сын не одобрял завтрак, рубашку, переезд Михаила и особенно то, что она уступила ему под инструменты свой шкаф. Егор считал, что в шестьдесят семь лет мать наконец получила приличную квартиру и вправе жить спокойно. Он проносил это с нажимом: вправе. Разговаривать о том, что она вправе и не жить спокойно, Раиса перестала после второго раза. Сын обижался, а она начинала оправдываться, будто привела с улицы собаку.

Михаил собакой бывать не собирался. Шкаф осмотрел, сказал, что петля просела, и хотел приняться за неё немедленно. Она отобрала у него сумку.

— Это тебе место показали. Никто не просил отрабатывать.

— Петлю всё равно надо подтянуть.

Так у них и прошло первое знакомство с новой квартирой. Потом он целых три недели находил причины не переезжать. Ещё проверяют воду. Надо дождаться человека с машиной. В новом доме, оказывается, плохо закрывается дверь в тамбур, а это, по мнению Михаила, делало переезд невозможным. Наконец в пятницу он сказал, что договорился на

понедельник. Без нажима с её стороны. Сам.

На остановке Раиса пропустила вперёд девочку с наушниками и вышла следом. Дождя не было, но над Тверью висело низкое белёсое небо; к полудню оно могло сделаться любым. Она поправила сумку на плече. В старом дворе, в отличие от нового, автобус не было слышно. За поворотом он сразу пропадал, и начиналась дорога между гаражами, где до сих пор пахло железом и опавшими листьями.

В этом месте всегда собиралась лужа. Раиса наступила на плоский камень, потом на второй. Её давно никто не просил принести хлеба по пути или заглянуть к кому-нибудь на минуту. Дойти от остановки до дома стало возможно за шесть минут. Раньше уходило двадцать.

Дом показался из-за жёлтой стены бывшей котельной. Длинный, в пять этажей, он стоял боком к ветру. На первом этаже третьего подъезда два окна были защищены светлыми щитами. Выше темнели стёкла. На одном ещё оставалась бумажная снежинка, которую никак не могло оторвать. Раиса помнила, кто её вырезал: внучка Носовой, хотя теперь эта внучка сама учила детей и наверняка считала, что никогда не занималась такой ерундой.

У крайних подъездов висели таблички о запрете посторонним входить. Кое-кто понимал слово «посторонние» по-своему. Раиса, например, не чувствовала себя посторонней. Четыре десятка лет здесь стирала, ругалась, провожала мужа на смену; последние девять прожила уже без него. Два меся-

ца в другой квартире не успели это изменить.

На стоянке была белая машина с зелёным пятном на задней двери. Кажется, Судаковых. Раиса подошла ближе, но номера не рассмотрела: взгляд задержался на окнах Михаила. Шторы на кухне были раздвинуты. Стекло мутно отражало котельную; свет внутри она различить не могла.

Она позвонила.

Длинные гудки сменились короткими: Михаил не ответил. Раиса убрала телефон и нажала ручку подъездной двери. Та подалась сразу. На тугую пружину, из-за которой она прежде не могла пройти с полными сумками, Михаил ворчал тридцать лет. Теперь дверь закрывалась едва-едва. Вчера он говорил, что кто-то опять её подпёр.

Внизу пахло остывшим табаком.

— Миш, это я!

Она позвала скорее по привычке: с первого этажа на третий он всё равно бы не услышал. Потом поставила сумку на нижнюю ступеньку, щёлкнула выключателем возле почтовых ящиков и высвободила шарф из-под лямки. Когда подняла голову, лестницу уже освещала лампа.

На краю ступеньки лежала тапка. Клетчатая, с продавленной пяткой: Михаил надевал её не нагибаясь, как шлёпанец.

— Опять бросил, — сказала Раиса и подняла глаза.

Он лежал выше, на промежуточной площадке, плечом к стене. Одна рука была под ним, другая вытянута к перилам. На щеке темнело пятно. Подбородок упирался в ворот ста-

рой синей кофты — не той, которую она вчера просила надеть.

Раиса подхватила сумку и поднялась. Хотела поправить ему ворот: казалось, он просто не может повернуть голову из-за ткани. Опустилась на колени, взяла за кисть, чтобы убрать руку с дороги, и отпустила. Потом коснулась щеки.

— Миша.

Сумка съехала с плеча. Внутри стукнула вилка.

— Миша, я приехала.

Раиса отняла ладонь. Положила обе руки себе на колени. Она уже знала, что не станет трясти его за плечо, сердиться, требовать открыть глаза. Всё, что умела делать с живым Михаилом, вдруг оказалось непригодным.

Из кармана она достала телефон, вызвала помощь. Адрес назвала точно, потом повторила номер подъезда. На вопрос, кто ей этот человек, ответила:

— Мы завтра собирались переезжать.

Ей пришлось повторить, что он не отвечает, что рука холодная. Прижав аппарат к уху, она наклонилась к лицу Михаила. Ждала дыхания. В трубке отсчитывали секунды; шарф соскользнул ей на руки. Когда сказали, что машина направлена, услышала скрип наверху и подняла голову.

— Кто там?

Над ней сходились пустые пролёты. Раиса назвала Михаила ещё раз, хотя спрашивала не его.

Голос в телефоне спросил, смогут ли врачи попасть в

подъезд. Она посмотрела вниз. Дверь, которая прежде захлопывалась с силой, сейчас еле держалась на пружине; всё-таки Раиса сняла шарф, спустилась к выходу и зажала его между полотном и коробкой. Руку с телефоном вытянула перед собой, словно ей могли помочь увидеть дорогу.

Наверху коротко ударило — окно или дверь. Она вернулась к Михаилу.

— Спуститесь, пожалуйста! — позвала в лестничный колодец. — Тут надо помочь.

Никто не отозвался. Раиса подождала, держась за перила, потом села рядом с сумкой. Контейнер мог открыться от удара; запеканка лежала под рубашкой, которую он уже не наденет.

Мысль была такая нелепая, что она всхлипнула. Не заплакала — только всхлипнула, как от попавшей в горло воды.

Зелёная краска на стене вздулась над плинтусом. Когда-то Раиса добивалась светло-бежевой; управляющая организация уверяла, что такой нет на складе. Михаил сказал, что всем придётся жить в огурце. Она тогда обиделась: сначала согласился помочь, а как дошло до дела — одни шутки.

Внизу качнулась дверь. Конец шарфа волочился по полу. Раиса видела его отсюда и следила, чтобы дверь оставалась открытой.

Сначала во дворе появилась скорая. Потом полицейская машина. Сотрудник в тёмной форме попросил Раису спуститься, и она неожиданно возразила:

— Он один останется.

— Там врачи.

— Я знаю. Но они же уедут.

Молодой сотрудник замолчал. Потом взял её сумку. Она позволила, придерживаясь за перила; на коленях остались белые полосы от пыли.

На улице оказалось светлее, чем она думала. Окно кухни Михаила уже не отражало стену. Теперь за стеклом можно было различить белый бок холодильника. Раиса смотрела на него, пока полицейский спрашивал её фамилию. Ей казалось, что она уже назвала. Может быть, врачу.

— Горбунова. Раиса Константиновна.

— Вы здесь проживаете?

— Жила.

Он поднял глаза от блокнота.

— Теперь в другом месте, — пояснила она. — Здесь он остался один.

В эту минуту открылась дверь первого подъезда. Вышел мужчина с рюкзаком, увидел машины и остановился на пороге. Раиса узнала Руслана Быстрова не сразу. Он отпустил

бороду, а хорошая его куртка, в которой он обычно приезжал, была расстёгнута поверх растянутой футболки. Волосы с одного бока примялись.

— Что случилось? — спросил он.

Раиса ответила не ему, а полицейскому:

— Вообще-то один.

Руслан спустился на ступень ниже. Оглянулся назад, будто в пустом подъезде кто-то мог подсказать, куда теперь идти.

С другой стороны двора быстрым шагом приближалась Людмила Судакова. На ней была короткая светлая куртка, неподходящая к погоде. Она всё время трогала карманы: сначала правый, потом левый. Увидев Раису, сбавила шаг.

— Раечка...

Раиса повернулась к ней. Очень хотелось, чтобы кто-нибудь из знакомых сказал, что произошло. Назвал простую причину. Пожалел её так, чтобы можно было расплакаться. Но Людмила смотрела мимо, на открытую подъездную дверь, и её лицо делалось всё более внимательным.

— Это Михаил? — спросила она.

Раиса кивнула.

— Господи. А я вчера...

Людмила замолчала. Полицейский перевёл на неё взгляд.

За стеклом на втором этаже третьего подъезда шевельнулась занавеска. Раиса знала это окно: там Носовы складывали зимние одеяла в диван, а маленькая Вера ставила на под-

оконник пластмассовых зверей. Занавеску отодвинули рукой. Показалось лицо молодой женщины и тут же исчезло.

Руслан стоял на крыльце, не решаясь подойти. Людмила теребила незастёгнутую молнию. Теперь Раиса различила, что белая машина действительно принадлежала Судаковым. на бампере был тот самый старый скол.

Все приехали. Все зачем-то оказались здесь.

Раиса посмотрела на сумку у ног полицейского. Он держал её бережно, двумя пальцами за ручки, хотя там не было ничего, что могло разбиться. Только рубашка, таблетки, завтрак на двоих.

— Поставьте, — сказала она. — Тяжёлая.

Он поставил сумку на скамейку.

— Может, кому-нибудь позвонить?

Раиса покачала головой. Сын обязательно спросит, зачем она туда поехала. Она знала, что он не это будет иметь в виду, не это захочет сказать. И всё-таки именно это спросит.

Над крышей бывшей котельной появилась полоска голубого неба. Михаил всегда первым замечал, когда прояснялось. Мог прервать человека посреди фразы, показать пальцем: «Вот, смотри». Будто сделал сам.

Раиса отвернулась от неба и села рядом со своей сумкой.

Глава 2. Второй подъезд

Евгения узнала двор раньше, чем Шестаков повернул к нему машину. Между двумя гаражами когда-то стоял деревянный голубь. Какой-то мужчина прибил его к столбу, повернув клювом в стену: то ли так получилось, то ли мастер был на кого-то зол. Столб оставался. Голубя не было.

— Здесь направо, — сказала она.

— Вижу.

Шестаков притормозил перед лужей. Евгения вынула телефон и набрала Прохорова. Тот ответил сразу, хотя было воскресенье.

— Я по адресу подъезжаю. Нужно сообщить: это дом, где я выросла.

— Жильё ваше там есть?

— Нет. Продали в две тысячи первом. С тех пор не бываю.

— Погибшего знаете?

— Фамилия Ковалёв. Если двадцать девятая квартира — помню соседа. Последний раз разговаривала с ним, когда ещё школу заканчивала.

Она посмотрела через стекло. У скамейки сидела женщина с сумкой. Та самая Раиса, у которой когда-то можно было попросить соль, нитки и телефон. В детстве казалось, что все её вещи существовали для того, чтобы выдавать соседям. Теперь женщина прижимала ладони к коленям и смотрела

на носки собственных ботинок.

— Родственных отношений нет, имущественных тоже, — добавила Евгения. — О событии ничего не знаю.

Прохоров выслушал. Сказал начинать необходимые действия, прежнее проживание отразить в служебном сообщении; дальнейшее распределение дела, если появятся основания, он решит после первичных материалов. Его тон не изменился. Евгения поблагодарила и убрала телефон.

— Двадцать четыре года, — сказал Шестаков. — Наверное, уже никого не помнишь.

Она чуть не ответила, что помнит всех.

Машина остановилась. Евгения вышла, застёгивая куртку, и увидела на пятом этаже своего подъезда спутниковую тарелку. Тарелка была ей незнакома. Дом успел прожить целую жизнь, пока она его помнила.

* * *

Раиса узнала её не сразу.

— Евгения Жарова, следовательно, — представилась она.

Раиса подняла голову.

— Женья?

— Да.

— Тамарина?

Евгения кивнула. Сидевшая рядом Людмила Судакова ахнула. В отличие от Раисы, та узнала её мгновенно, как только

услышала имя, и теперь осматривала: волосы, куртку, сумку на ремне. Потом взгляд дошёл до служебного удостоверения, и знакомое оживление пропало.

— Надо же, — сказала Людмила. — А я думала, ты в Москве.

Евгения не стала объяснять, что в Москве она училась, а потом давно вернулась в Тверь.

— Сейчас я поднимусь. Потом поговорим. Раиса Константиновна, вы сможете ещё немного подождать?

— Конечно. Куда я.

— Есть кто-нибудь, кто может приехать за вами?

— Сын.

— Позвоните ему, пожалуйста. Ждать здесь одной не нужно.

Раиса посмотрела на Людмилу, и Евгения поняла, что выбрала неудачное слово. Здесь были знакомые, их становилось больше. Но рядом с Раисой никто не сидел так, чтобы она могла опереться плечом.

На крыльце Евгению задержал участковый. Пересказал коротко: вызов в восемь сорок семь, обнаружила бывшая соседка, последний постоянно живущий мужчина, предположительно падение. Дверь в его квартиру наверху приоткрыта. Он сам туда не заходил, ждал группу. В подъезде успели побывать медики; остальным доступ перекрыли.

— Родственникам сообщили?

— Номер дочери у женщины спрашиваем. Она сейчас

плохо соотнобщает. Вроде бы Ярославль.

— Выясните. Только без «вроде бы» в сообщении.

Внутри было непривычно светло. Из подъезда вынесли всё, что прежде мешало пройти: велосипеды, ящики, раскладное кресло с продавленным сиденьем. Свету больше не за что было цепляться. На стене прямоугольником желтела краска там, где раньше висела доска объявлений.

Евгения помнила, как здесь тесно. Трое детей не могли разминуться с человеком, несущим ведро. Она боялась встречать соседку с третьего этажа: та обязательно спрашивала, почему идёшь одна, где мама и отчего шапка не надета. Теперь места хватило бы всем троим детям и ведру.

Елена Ардова уже снимала площадку. Она не стала здороваться за руку, только кивнула и показала, где Евгения может пройти. Олег Витальевич, наклонившись, осматривал голову погибшего.

Евгения узнала Ковалёва по уху. Странно было узнавать человека по такой малой подробности. Верхняя часть правого уха у него загибалась наружу, и в детстве мальчишки прозвали его Пельменем. Евгения тоже так говорила. Не при нём, конечно.

Лицо стало чужим — полнее, с глубокими складками по сторонам носа. Но ухо не изменилось.

Она заставила себя смотреть на площадку целиком. Положение тела. Лестница. Тапка ниже. Стена, перила, пятна. Ардова называла снятые участки, и её спокойный голос по-

могал видеть именно то, что лежало перед ними.

— Упал? — спросила Евгения у медика.

— Сейчас не скажу.

— Повреждения есть?

— Есть. Что при жизни, что после, чем причинено — после исследования. Мне положение головы и шея не нравятся. Но я тебе тут причину смерти не подпишу.

— Не прошу.

Олег Витальевич отстранился, чтобы Ардова могла снять ещё один ракурс. Евгения посмотрела вверх. От площадки до второго этажа поднимался короткий марш, затем лестница уходила обратно. Квартира Ковалёва была на третьем. Если он спускался и упал, ограничиваться осмотром этой площадки нельзя.

— Свет был включён, когда его нашли? — спросила она.

Участковый, стоявший у двери, ответил, что женщина сама нажала выключатель внизу. Сказала, вошла в полумрак. Евгения попросила уточнить последовательность. Он кивнул.

На втором этаже она остановилась перед дверью двадцать шестой. Новая железная дверь казалась слишком большой для проёма. Их прежняя была деревянной; с внутренней стороны мать клеила на неё календарь. Евгения почти ощутила под ногой сломанную плитку, о которую всегда спотыкалась. Плитку заделали. Она отступила, пропуская Ардову.

— Твоя? — тихо спросила та.

— Была.

— Если тяжело, скажи.

— Пока нормально.

Ардова не стала сочувственно заглядывать ей в лицо. За это Евгения была благодарна.

На третьем этаже дверь двадцать девятой приоткрывалась внутрь. Под ней лежал узкий коврик с коротким, истёртым до основы ворсом. Край загнулся; каблук мог зацепиться. Евгения заметила это, но ничего пока не сказала. В квартире горела лампа.

На подоконнике лестничной площадки стояла начатая бутылка воды. На доньшке белело кольцо пыли, выше пластик был чистым. Ардова сняла её рядом с номером этажа, затем отдельно; бутылку упаковали вместе с другими предметами с площадки. Евгения посмотрела на чистую полосу под ней. В этой части подъезда давно никто не протирал подоконники.

На внешней стороне косяка Ардова заметила бурый след, похожий на мазок от ладони. Пока его снимали и изымали образец, Евгения оформила постановление о неотложном осмотре жилища: открытый вход требовал сохранить возможные следы события сейчас. Об уведомлении суда и прокурора напомнила себе записью в рабочем блокноте.

Вошли после фиксации входа. В прихожей стояли коробки, перевязанные шнуром. На одной аккуратными печатными буквами было написано: «НЕ БРОСАТЬ». На другой тем же почерком: «ТОЖЕ».

Ардова впервые за утро улыбнулась.

— Продолжение инструкции.

— Он всю жизнь так.

Евгения слышала себя и прикусила губу. Она понятия не имела, как он делал последние двадцать четыре года.

В комнате остались диван, шкаф без двух полок и стол, придвинутый к окну. На диване лежал клетчатый плед. В раскрытом шкафу висели пиджак и белая рубашка, почти невесомые среди голых плечиков. На стене прямоугольники обоев различались по цвету. Оттуда сняли фотографии или картины.

На кухне было теплее. Форточка закрыта, батарея чуть тёплая. На столе — чашка с подсохшим ободком внутри, хлеб в пакете, сахарница и перевернутый пластиковый стакан. Возле ножки стола растеклось тёмное пятно. Евгения сначала приняла его за тень. Потом увидела, что край пятна неровный и обрывается у половика.

— Лена.

— Вижу.

Ардова присела, не касаясь пола. Евгения отступила к двери. У холодильника стояла низкая табуретка. На полу рядом с ней белело прямоугольное место без пыли; что-то отсюда недавно убрали.

Слева от мойки висели два крючка. На одном — полотенце с петухами. Второй был пуст.

На подоконнике сохла тарелка, прислонённая ребром к

старой хлебнице. Рядом лежал маленький огрызок карандаша. Евгения невольно вспомнила, как Ковалёв надписывал им наждачную бумагу. Он выдавал детям обрезки, когда те строгали деревянные мечи, но непременно считал, сколько выдал.

Телефон нашли в комнате, на полу между диваном и столом. Экран был разбит. Евгения попросила зафиксировать его прежде, чем поднимать. Ардова ответила, что, конечно, и так зафиксирует. В её тоне мелькнуло раздражение, вполне заслуженное: Евгения повторяла очевидное.

Она вернулась в прихожую и огляделась. В комнате собирались. На кухне ели. Внизу на лестнице лежал человек. Всё могло относиться к одному обычному вечеру, кончившемуся несчастным случаем. Пока нельзя было ни соединить это в готовую историю, ни разложить на две разные.

— Здесь что-то есть, — позвала Ардова из кухни.

Под краем половика темнел второй след. Ардова осветила его сбоку. На линолеуме рядом виднелась широкая смазанная полоса, будто по мокрому провели тканью.

Евгения достала телефон и снова позвонила руководителю.

* * *

Во дворе её ждал мужчина в тёмно-синей рабочей куртке. Держался чуть в стороне от остальных, не заговаривал с Ра-

исой, только смотрел на подъезд. Услышав шаги, обернулся.

Евгения подумала: Антон. Потом стала проверять первое впечатление по лицу. Чёрные брови срослись сильнее, чем она помнила. На скуле появилась родинка. Но плечи он держал так же — одно чуть выше другого, словно собирался за-слонить кого-нибудь от мяча.

— Жарова, — сказал он. — Вот уж не думал.

— Здравствуй.

— Люда позвонила. Я рядом был.

Он кивнул в сторону Судаковой. Та стояла возле белой машины, говорила по телефону и то и дело отворачивалась от двора. Раиса сидела одна. Руслана Евгения не увидела.

— Ты здесь бываешь? — спросила она.

— Мать кое-что оставила. Забираю потихоньку. А он...

Правда?

— Да.

Антон выдохнул и посмотрел на ладони, будто собирался что-то уронить.

— Вчера видел. Нормальный был. Сказал, надоело тут за всех сторожить.

— Во сколько видел?

— Днём. После обеда. Я посмотрю, у меня клиент был, по звонкам могу восстановить.

— Хорошо. Павел, запиши, пожалуйста, контакты.

Шестаков подошёл, раскрыл блокнот. Антон продиктовал номер. Евгения записала для себя его фамилию: Кулигин.

Она не забывала её, но теперь необходимо было записать.

Когда Антон отошёл, Шестаков спросил:

— Друг детства?

— Сосед. Младше меня.

— Он мне уже предложил рассказать, кто ещё приезжает.

И у кого ключи остались.

Евгения посмотрела на двери трёх подъездов. Здесь не работал домофон, а половина бывших жильцов, вероятно, сохранила ключи от квартир. Некоторые квартиры ещё не передали, некоторые уже передали, но имущество вывезли не всё. Кто-то заходил законно, кто-то надеялся, что никто не заметит. Если начать с вопроса «У кого есть ключ?», ответ может занять весь день.

— Пусть назовёт тех, кого видел сам, — сказала она. —

И когда видел.

Из первого подъезда вышел Руслан. Теперь на нём была застёгнутая куртка, волосы он пригладил водой. Рюкзак оставался за спиной. Он подошёл к Шестакову и остановился на расстоянии двух шагов.

— Мне надо с вами поговорить.

— Конечно.

— Только не здесь.

Евгения заметила, как Антон повернул голову. Ненадолго, как поворачивают на чужой голос. Людмила продолжала говорить по телефону. Раиса ничего не замечала.

Шестаков показал Руслану на машину.

— Пойдёмте.

— Я там ночевал, — сказал Руслан сразу. — Чтобы вы не подумали потом, что прятался.

Евгения проводила их взглядом. За ними отражались в мокром стекле пять этажей, с почти одинаковыми окнами. На втором этаже третьего подъезда занавеску снова отодвинули, и кто-то стал торопливо снимать с подоконника цветочный горшок.

Глава 3. Восемнадцатая

Руслан проснулся от того, что кто-то пытался завести машину под окном. Стартер крутил долго и неохотно. Потом замолчал. Руслан успел подумать, что сейчас попробуют снова, и опять провалился в сон.

Когда открыл глаза, во дворе уже стояла скорая.

Сначала он решил, что ему померещилось. Белая крыша была видна сквозь складки тюля, и только потом он разглядел красную полосу. На всякий случай пригнулся, хотя с улицы разглядеть его за пыльным стеклом было почти невозможно. В комнате на пятом этаже пахло старым матрасом, его носками и яблоком, которое он вчера так и не доел.

На полу у дивана стояла банка с водой. Надя всегда ругалась, когда он пил из банки: чашек, что ли, в доме нет. Теперь чашек действительно не было. Одну они разбили при переезде, остальные увезли к её сестре. Руслану дали пластиковый стаканчик, но тот смялся в рюкзак.

Он посмотрел в телефон. От Нади пришли два сообщения. В первом она спрашивала, где лежат документы на старую стиральную машину. Во втором — не нужны ли ему тёплые вещи.

Руслан написал: «Всё нормально». Подержал палец над отправкой и стёр. Отвечать на вопрос о вещах сообщением «всё нормально» было подозрительно. Он отправил: «Синяя

папка в нижнем ящике. Уточню по машине». Потом дописал: «Куртка есть».

Жена прочла почти сразу, но ничего не ответила.

К скорой подъехала полиция.

Руслан встал. Стопа попала на холодный линолеум, и он начал искать второй носок, хотя тот уже был на ноге. В пятницу забрался сюда после девяти вечера. Субботу провёл на ногах, заезжал в три сервиса по поводу работы, в последнем ему сказали прийти в понедельник. За смену обещали немного, но наличными. Опытом интересовались меньше, чем тем, сможет ли он работать без выходных.

Потом Руслан зашёл в магазин и купил кефир, хлеб и яблоки. Яблоки выбирал долго, словно именно на них можно было сэкономить сумму, которой ему не хватало. Вышло дешёвостю шесть рублей разницы. На обратном пути он ел одно и чувствовал себя человеком, который не умеет пользоваться собственной жизнью: сорок шесть лет, а рад, что яблоки дешёвые.

У подъезда сидел Ковалёв.

Руслан вспомнил это и замер с курткой в руках.

— Ты сюда поселился? — спросил вчера Михаил Аркадьевич.

— Вещи разбираю.

— По ночам?

Руслан ответил грубо. Теперь с точностью до слова не мог вспомнить, как именно. Кажется, предложил следить за сво-

ей квартирой и не совать нос в чужую. Ковалёв тоже не смолчал. Сказал, что пора отдавать долги, а не изображать из себя хозяина всей улицы. Руслан подошёл вплотную. Он не ударил его, даже не толкнул, но подошёл слишком близко, и Михаил Аркадьевич встал со скамейки.

Из третьего подъезда кто-то вышел. Ковалёв сказал тише:

— Я тебе про деньги не собирался напоминать. Сам начал.

— Вы про всё собираетесь, — ответил Руслан.

Он ушёл наверх, по дороге зацепился рюкзаком за дверную ручку и рванул так, что едва не порвал лямку. Стыдно было не перед Ковалёвым. Стыдно, что обыкновенная ручка способна его остановить.

Теперь во дворе спрашивали что-то у Раисы. Она сидела очень прямо. Людмила Судакова приехала или пришла; её машину Руслан заметил ещё вчера. Ковалёва не было.

Он застегнул куртку, потом расстегнул. Рядом с диваном лежал пакет с едой. Руслан затолкал его за спинку, словно продукты могли выдать его лучше, чем матрас и одеяло. Потом вынул обратно.

Прятать кефир от полиции было уже совсем ни к чему.

* * *

В машине Шестаков предложил ему сесть вперёд. Руслан выбрал заднее сиденье. Ему казалось, если сесть рядом, придётся всё время поворачиваться лицом к этому молодому че-

ловеку. Сзади можно смотреть в окно.

— Давайте сначала имя, отчество, — сказал Шестаков.

Он говорил без нажима, но Руслан слышал нажим в любом вопросе. Паспорт оказался в наружном кармане рюкзака, где он хранил его с тех пор, как начал ездить по собеседованиям. Протянул документ и вдруг испугался, что его сейчас заберут насовсем.

Шестаков переписал данные и вернул.

— Вы говорите, ночевали в доме. В какой квартире?

— Восемнадцатой.

— Она вам принадлежит?

— Принадлежала. Там вещи остались.

— Сейчас кому принадлежит?

Руслан объяснил. Документы о передаче они с Надей подписали летом, деньги получили. Купили бы что-нибудь, если бы он не решил, что правильнее сначала закрыть одно обязательство, потом второе, а оставшееся поддержать в деле. Об этом он говорил коротко, без суммы. Шестаков не стал изображать, будто всё понял, уточнил, имел ли Руслан разрешение оставаться.

— Нет. Не имел.

Произнести это оказалось легче, чем «негде жить».

— Сколько ночей?

— Две. До этого иногда заходил. Не жил постоянно.

Шестаков записывал. Руслан видел в зеркале только его брови.

— Кроме вас кто-нибудь ночевал?

— В моей квартире — нет.

— В других?

Руслан хотел ответить, что понятия не имеет. Но потом вспомнил свет в окне третьего подъезда, который горел, когда он шёл от магазина. Помнил и звук воды за стеной, только где именно слышал, сейчас не смог бы определить. Здесь вода всегда говорила громче людей. На пятом этаже по стояку узнавали, когда на первом начинают стирать.

— Я видел свет. В третьем. Вечером.

— Какое окно?

Руслан посмотрел на дом. Вчера он стоял ближе, голова была запрокинута иначе. Теперь этажи сдвигались, и то, в чём он минуту назад был уверен, не желало становиться номером квартиры.

— Не скажу. Выше второго. Но я мог ошибиться.

Шестаков вышел с ним из машины и дал посмотреть с дорожки, по которой Руслан возвращался. Никто не торопил. Это почему-то разозлило сильнее, чем окрик: приходилось самому отвечать за сказанное.

— Там, — показал он. — Кажется. Я не буду врать, что точно.

— Хорошо. А с Михаилом Аркадьевичем вчера виделись?

Руслан почувствовал, что опять хочет сунуть руки в карманы. Там лежали ключи. Острые зубцы давили в ладонь.

— Да.

— Разговаривали?

— Разговаривали.

Шестаков ждал. Руслан смотрел на скамейку, где сейчас сидела Раиса. Та самая скамейка. На ней никак не могло помещаться столько всего: вчерашняя ссора, сегодняшнее горе, его собственное утро, которое несколько часов назад ещё можно было прожить иначе.

— Поссорились, — сказал он.

* * *

О ссоре Евгении рассказал уже Шестаков. Она вышла из подъезда, согревая руки в карманах: перчатки, в которых работали внутри, сняла, а обычные остались в сумке. Руслан ждал возле машины.

— Сам сообщил? — уточнила она.

— Сам. Говорит, долг. Условия пока не выяснил подробно. Предлагает показать квартиру.

— Сначала оформим, как положено.

Евгения подошла к Руслану. Он тут же выпрямился. В её памяти он остался тощим мальчишкой на четыре года старше, который однажды на спор проехал по двору на велосипеде задом наперёд. Настоящий Руслан был тяжёлый, с красными веками и невыбритой шеей. Детская картинка совершенно не помогала разговаривать с ним.

— Мне нужно понять ваш вчерашний вечер, — сказала она. — Не только ссору.

— Я его не трогал.

— Я слышала.

— Не «услышала». Не трогал.

Она не стала спорить о слове. Спросила, когда он пришёл. Руслан показал чек из магазина: семнадцать сорок восемь. Время на чеке само по себе не говорило, когда он вошёл во двор, но давало точку, от которой можно было идти дальше. Руслан сказал, что после покупки никуда не заходил.

— Зачем вы принесли чек? — спросила Евгения.

Он удивился.

— У меня все теперь в карманах. Считаю, куда деньги ушли.

На бумаге были кефир, яблоки, хлеб и сырный продукт со скидкой. Евгения положила чек на чистый лист, чтобы не держать пальцами за влажный угол. Руслан отвёл глаза.

Долг составлял восемь тысяч. Весной Ковалёв одолжил их до конца месяца. Конец месяца давно прошёл. Михаил Аркадьевич несколько раз напоминал, Руслан обещал отдать и не отдавал. Вчера речь зашла не столько о деньгах, сколько о ночлеге. Ковалёв сказал, что не желает отвечать за человека в пустой квартире. Руслан ответил, что его никто и не назначал ответственным.

— Вы угрожали ему?

— Я сказал, чтобы отстал.

— Какие слова?

Руслан потёр лоб.

— Не помню точно. Что-то вроде: «Ещё раз полезете — пожалеете». Вы это и запишите. Я сейчас начну красивее придумывать, потом кто-нибудь слышал, и будет хуже.

Евгения подняла глаза. Он смотрел на землю. Никакой особенной честности на его лице не было: страх, усталость и раздражение от того, что приходится самому подкладывать себе неприятности.

— После этого?

— Поднялся. Сидел дома. То есть там.

— До утра никуда не выходили?

Он помолчал.

— Выходил.

— Куда?

— Во двор. Курить. В комнате нельзя, Надя по запаху потом...

Он оборвал фразу. Запрет, похоже, пережил саму квартиру. Евгения подождала, но он больше ничего не добавил.

— Во сколько выходили?

— После девяти. Может, в половине десятого. Телефон был на зарядке, я без него спустился.

— Кого видели?

— Никого. Честно.

— У Ковалёва свет горел?

Руслан посмотрел на третий этаж второго подъезда.

— На кухне, кажется. Я не считал окна.

Евгения обозначила ему, какие сведения ещё понадобятся, и попросила оставаться на связи. Он кивнул, потом спросил, можно ли позвонить жене.

— Конечно.

— Только она не знает, что я тут.

Это прозвучало как просьба разрешить ему и дальше не говорить. Евгения не ответила на то, чего он не спросил вслух. Руслан отошёл за машину.

* * *

Надя сняла трубку со словами:

— Нашла папку. Спасибо.

Руслан зажмурился.

Он приготовился к долгому объяснению, а она поблагодарила его за папку. На заднем плане работал телевизор, сестра что-то говорила из кухни. У Нади было воскресенье, в котором можно найти бумажную гарантию и вычеркнуть один небольшой вопрос.

— Ты можешь выйти куда-нибудь?

— Зачем?

— Поговорить.

Она помолчала, потом послышались шаги и скрип двери. Сестра ещё что-то спросила, Надя ответила: «Сейчас». Шум телевизора стал тише.

— Что случилось?

— Ковалёв умер.

— Михаил Аркадьевич?

— Да.

— Когда?

— Утром нашли.

Надя ничего не сказала. Руслан слышал, как она дышит, и впервые за эти дни почувствовал, что разговаривает с женой, а не с человеком, которому должен еженедельно докладывать об успехах.

— Я здесь, — сказал он.

— В нашем доме?

— Да.

— Руслан. Ты ведь у Виктора.

Он смотрел на разбитый асфальт. Между двумя плитами росла молодая трава, очень зелёная для октября.

— Я не у Виктора.

Надя долго молчала. Потом спросила, сколько он там живёт. Не закричала, не стала перечислять, что предлагала. От этого ему сделалось совсем плохо.

— Вторую ночь. Не хотел...

— Не говори, чего ты не хотел. Где спишь?

— На диване.

— Там же пружина.

— Я матрас положил.

Он услышал, как она выдохнула, и представил её у сестры

на балконе: в чужом тёплом халате, с телефоном у уха. Они оба были не дома. Просто он почему-то решил, что один из них обязан выглядеть устроенным.

— Тебе нужны вещи? — повторила она утренний вопрос.

— Нужны.

— Хорошо. Я соберу.

— Надь.

— Что?

Руслан хотел сказать, что его пока ни в чём не обвиняют. Но это было бы странное начало разговора, и он выбрал другое:

— Я вчера с ним ругался.

На этот раз Надя спросила сразу:

— Из-за восьми тысяч?

Он отнял телефон от уха и посмотрел на экран, словно по нему можно было понять, откуда она знает.

— Да, — сказал он. — И из-за этого тоже.

— Я ему в пятницу перевела.

Руслан почувствовал, как холодеют пальцы на руке, которой держал телефон.

— Все?

— Все восемь. Он сказал, что получил. Я хотела тебе вечером сказать, но ты опять написал, что занят.

За машиной кто-то засмеялся коротко, нервно, и тут же замолчал. Руслан смотрел на двор. Ковалёв стоял перед ним в памяти, близко, сердито: «Пора отдавать долги». Именно

так сказал. Или Руслан сам услышал про деньги, потому что ничего другого уже не мог услышать?

— Надя, — произнёс он. — Ты можешь прислать, что переводила?

— Могу. А что там у вас происходит?

Руслан увидел Евгению у крыльца. Она разговаривала с женщиной в перчатках, которая только что вышла из подъезда с чёрным чемоданчиком. Ему опять придётся подойти к следователю. Самому.

— Пока не знаю, — сказал он жене.

Глава 4. Незанятый шкаф

Егор приехал в серой куртке, которую Раиса не любила. От этой куртки он казался старше, чем был, — каким-то начальником, застигнутым вне кабинета. Он выскочил из машины, оставив дверцу открытой, и подошёл так быстро, что она не успела придумать, как с ним разговаривать.

— Мам.

Она поднялась. Егор обнял её и держал, не давая отстраниться. Раиса ткнула лбом в холодную молнию.

— Ну, хватит, — сказала она наконец. — Я целая.

— Я вижу.

Он не спросил, зачем она поехала. Вообще ни о чём не спросил, только поднял сумку и сообщил, что отвезёт мать домой. Раиса возразила: нужно дождаться следователя. Он ответил, что подождут вместе, и сел на скамейку, положив сумку себе на колени.

Она заметила у него седую щетину. Когда сын успел поседеть на подбородке? На голове ещё ничего, а тут уже серебро, совсем как у отца. Егор поймал её взгляд.

— Не брился.

— Я не об этом.

Он слегка улыбнулся. Потом увидел Людмилу, кивнул, повернулся обратно. В детстве он называл её тётей Людой. Теперь просто кивал. Люди вырастали так далеко друг от

друга, даже если знали один другого с горшка.

Евгения вышла к ним ближе к одиннадцати. Раисе казалось, прошёл целый день. Оказалось, прошло меньше трёх часов.

Разговаривали в машине Егора: там было тепло, а Раиса начала дрожать. Евгения села впереди боком к заднему сиденью и попросила рассказывать последовательно. Сумку Раиса оставила у ног. Егор предложил выйти, но мать удержала его за рукав.

Сначала она ещё раз описала, как вошла. Где увидела тапку. Что коснулась руки, потом щеки. Что сумку поставила не сразу, а уронила. Раиса боялась, что этим сумела что-нибудь испортить, но Евгения не ругала её. Спрашивала о звонке, о свете, просила вернуться к тому, как Раиса вошла. Раиса вспомнила: выключатель нажала ещё внизу, когда поправляла шарф. Значит, на площадке не было темно. Просто ей теперь казалось, что было.

— Наверху кто-то ходил? — спросила Евгения.

— Я слышала.

— Что именно?

— Скрип. Потом стук. Я позвала, но никто не ответил.

— Голос, шаги?

— Шагов не было. Я сказала «кто-то ходил»? Тогда неправильно. Был звук. Может, дверь.

Евгения исправила запись. Раиса посмотрела на её руку. У Тамары дочка писала точно так же — почти не наклоняя

букв, строчка быстро уходила вправо. Когда-то приносила Раисе квитанцию, просила подсказать, где расписаться матери. Девчонка с ободранными ногтями, вечно куда-то спешит. Теперь сидит в машине и спрашивает, прикасались ли они к телу.

— Вы мне скажите, — попросила Раиса. — Он долго там лежал?

— Это будут устанавливать. Я сейчас точного времени не знаю.

— Но не с утра ведь?

Евгения чуть помедлила.

— Состояние тела требует исследования. Я не хочу вас обмануть догадкой.

Раиса кивнула. Она не нуждалась в правильных словах, но поняла, что других ей сейчас не дадут.

О Михаиле она сначала рассказывала как о соседе. В двадцать девятой жил больше сорока лет, работал на заводе, потом брал кое-какие заказы, чинил дома всё подряд. Жену похоронил десять лет назад. Дочь уехала в Ярославль, у неё семья. Не бросила отца, звонила, приезжала, но на пенсию вместе с ним не вышла. Раиса сказала это заранее, хотя никто не спрашивал, бросила ли дочь отца.

— Вы когда с ним разговаривали в последний раз?

— Вчера. По телефону. В шесть примерно. Нет, я посмотрю.

В журнале вызовов значилось восемнадцать ноль семь.

Разговор шёл две минуты с небольшим. После него она ещё чистила картошку, которую сын привёз в мешке, и выкинула половину: клубни промёрзли или лежали неправильно. Об этом Михаилу хотела рассказать сегодня.

— Что он говорил?

— Все приборы сложил, не оставил себе ложки. Спросил, чем сахар размешать. Я пошутила.

Раиса пересказала про отвёртку. Егор отвернулся к окну. Она знала этот поворот головы: сыну становилось неловко слышать, как она разговаривала с Михаилом. Но сейчас, может быть, он отворачивался совсем по другой причине.

— А потом?

— Сказал, что ждёт человека. Я спросила, грузчика? Он сказал: «Нет, другой». Потом сказал: «Завтра объясню, не бери в голову». Я не взяла.

В машине стало очень тихо. Работала печка, и пахло пылью от обивки.

— Он сказал, когда должен прийти этот человек?

— Нет.

— Имя не назвал?

— Нет, Женя. Если бы назвал, я бы сказала.

Евгения кивнула.

— Должен был быть мужчина?

Раиса задумалась. Слово «человек» теперь казалось ей совсем неясным. Мишка мог так назвать и женщину, если речь шла о деле. «Приходил человек из расчётного центра», —

говорил, а потом выяснялось, что приходила девушка, которая годилась ему во внучки.

— Он сказал «человека». Больше не знаю.

Разговор о переезде оказался труднее. Раиса не ожидала: вот уж что было совершенно ясным. Грузовой фургон должен приехать в понедельник. У Михаила оставалось мало мебели, в основном инструменты и книги. Холодильник собирались отдать знакомому. В новую квартиру, полученную им после долгих споров, он пока собирался отвезти только диван и стол. Основные вещи — к ней. Даже пижаму к переезду купил новую.

— К вам? — переспросила Евгения.

Раиса посмотрела на сына.

— Да. Мы решили вместе жить.

Егор не шевельнулся. Только перестал теребить шов на рукаве.

— Давно решили?

— Летом. Он всё тянул. То одно, то другое. В пятницу сам позвонил водителю. При мне.

— С кем-нибудь ссорился из-за этого решения?

Раиса ощутила, как горячо стало лицу. Егор поднял глаза.

— Я спорил, — сказал он. — Если вы об этом. Но не с ним. С матерью.

— Егор, не надо.

— Мам, спросили — я ответил.

Евгения записала номер Егора и спросила, как связаться

с водителем. Раиса нашла в переписке сообщение Михаила, где он переслал телефон и дописал: «Этот не пропадёт». Теперь короткие слова выглядели на экране грубо, почти насмешливо. Она отвернулась.

Евгения не торопила.

Когда разговор закончился, Раисе позволили ехать. Сказали, с ней ещё свяжутся, а к квартире Михаила пока не приближаться. Вопросы о его вещах будут решаться отдельно. Раиса не спорила. Вдруг ей стало страшно подняться туда и увидеть собранные ею в пятницу коробки, связанные книги, пустую хлебницу.

На прощание Евгения спросила, была ли у Ковалёва привычка спускаться ночью.

— У него сон плохой, — ответила Раиса. — Мог выйти подышать. Только он бы ботинки надел.

— В тапках не выходил?

— По лестнице мог. На улицу — нет. Но я не все его ночи знаю.

Евгения поблагодарила. Раиса вдруг захотела погладить её по плечу, как в детстве. Не погладила: на плечо уже лёг ремень тяжёлой рабочей сумки.

* * *

Дома Егор первым делом включил чайник. Он плохо знал её новую кухню, открыл три ящика, прежде чем нашёл лож-

ки. Раиса стояла у двери и наблюдала, не подсказывая. В старой квартире он всё доставал автоматически. Здесь ему тоже предстояло учиться.

В прихожей висели два крючка на свежей рейке. Егор прибил её неделю назад. Под одним Раиса поставила свои ботинки. Второй оставался свободным.

Она прошла в комнату.

Левую половину шкафа освободила ещё в августе. Полотенца сложила в комод, зимнюю куртку сдала в химчистку и так долго не забирала, что ей позвонили. На нижнюю полку постелила старую клеёнку, чтобы Михаил своими железками не исцарапал дерево. Он настоял на том, что железки будут в коробках. Клеёнку она всё равно постелила.

Теперь открыла шкаф и увидела на пустой полке отвёртку. Михаил оставил её, когда осматривал петлю. Чёрная ручка с жёлтым кольцом.

Раиса взяла отвёртку, покрутила в пальцах. Смешно было держать её после того вчерашнего разговора. Наверное, нужно положить к его вещам. Каким? Где теперь его вещи? В двадцать девятой, в новой квартире, у неё? Она запуталась в трёх адресах.

— Мам, чай готов.

— Сейчас.

Она вернула отвёртку на полку, закрыла дверь. Петля скрипнула. Исправить он не успел.

На кухне Егор раскладывал запеканку по двум тарелкам.

— Не трогай, — сказала Раиса резче, чем хотела.

Сын остановился с ножом в руке.

— Она же уже остыла. Я разогрею.

— Не надо.

Он положил нож. Раиса увидела на столе рубашку, которую он вынул из сумки, чтобы добраться до контейнера. Светлая, с мелкой полоской, на вороте знакомое пятно от утюга: Раиса однажды слишком долго держала его на одном месте. Михаил говорил, что никто не увидит. Потом всякий раз показывал пальцем на пятно, когда она начинала учить его аккуратности.

— Убери рубашку, — попросила она.

Егор сложил её и отнёс в комнату. Вернувшись, сел, не трогая тарелки.

— Я не знал, что уже в понедельник, — сказал он.

— Я говорила.

— Ты говорила, что договорились. Ты и раньше говорила.

Раиса посмотрела в окно. Отсюда был виден кусок соседнего дома и парковка. Никакой скамейки, никого знакомого. Когда она только приехала, этот вид ей нравился: можно было выйти, не объясняя, куда пошла и почему нарядная.

— Он купил новую пижаму, — сказала она.

Егор молчал.

— Специально. Чтобы у меня не спать в старых штанах. Выбирал сам, я только размер сказала. Взял серую и сердился, когда ему предложили подарочную упаковку.

Сын отвёл взгляд к холодильнику. На дверце висела магнитная доска со списком: лампочка, пакетики для льда, хлеб. Раиса вчера дописала крупно: «НЕ ЗАБЫТЬ КЛЮЧ».

— Я не против него был, — произнёс Егор.

— Знаю.

— Ты не знаешь. Ты думаешь, я хотел, чтобы ты одна сидела.

— Я уже ни о чём не думаю, Егор.

Он замолчал. Потом подвинул к ней чашку, повернув ручкой вправо. Делал это с детства — замечал, какой рукой ей удобно взять. От этого маленького движения Раиса наконец заплакала.

Егор пересел рядом. Не говорил, что всё будет хорошо. Не напоминал, сколько ей лет, сколько лет было Михаилу и чего следует ожидать в таком возрасте. Сидел, положив ей руку на спину.

За окном кто-то несколько раз нажал на автомобильный сигнал. В соседней квартире гроыхнула вода. По лестнице пробежал ребёнок, и мать крикнула ему, чтобы не прыгал. Дом был полон звуков, к которым Раиса ещё не привыкла.

— Запеканку можно есть, — сказала она, когда сумела говорить. — Чего ей пропадать.

Егор потянулся за вилкой. Потом встал, открыл правильный ящик и достал вторую.

Глава 5. Квартира без фотографий

Накануне вечером Людмила трижды переставляла машину. Сначала поставила под своими окнами. Потом решила, что оттуда её видно Михаилу Аркадьевичу, и переехала к котельной. Возле котельной лежали обломки кирпича: кто-нибудь заденет крыло, разворачиваясь. В конце концов вернулась к дому. Человек, собирающийся скрывать свою жизнь, потратил на это двадцать минут и привлёк внимание каждого, кто мог выглянуть во двор.

Геннадий ждал её в тридцать третьей. Ключ у него был свой — точнее, её запасной. На протяжении трёх недель она приучала себя думать, что это не так страшно. Не дубликат от их нынешнего семейного жилья. Просто железка от места, где уже почти ничего нет.

Он открыл дверь раньше, чем она достала связку.

— Замёрзла?

— Нет. Я же на машине.

— Всё равно холодные руки.

Геннадий обхватил её ладони. Этот жест у него всегда получался точно — не слишком быстро и не слишком настойчиво. Людмила не услышала, как внизу закрылась подъездная дверь.

В комнате стоял раскладной диван, который Игорь собирался отвезти на дачу. Пока не договорился с машиной. У

стены — коробки с ненужными, но ещё не выброшенными вещами, на подоконнике — бутылка вина и два стакана. Фотографий здесь больше не было. Ни Игоря на лыжах, ни их дочери в первом классе, ни цветного коллажа к Людмилиному сорокалетию. Комната выглядела моложе без семейных фотографий. Будто всё, что здесь происходило, ещё не успели назвать.

— Ты опять вино принёс, — сказала она.

— Немного.

— Я за рулём.

— Оставишь машину. Утром заберёшь.

Он говорил так просто, что Людмила на несколько секунд поверила: действительно можно оставить машину и утром забрать. Достаточно захотеть. Не нужно объяснять мужу, почему приехала на такси, где провела субботу, зачем прихватила помаду, которой давно не пользовалась.

— Игорь спросит.

— Скажи, плохо себя чувствовала. Не стала рисковать.

— Тогда он приедет за машиной сам.

Геннадий отпустил её руки.

— Люд, я предложил. Не хочешь — не пей.

Обиды он не показал, но воздух между ними изменился. Людмила расстегнула куртку. На горле остался след от шарфа, и она зачем-то провела пальцем по коже, стирая его.

Геннадий был высоким, не полным, с хорошими руками. Когда она впервые увидела его на курсах фотографии, заме-

тила именно руки: большие ладони держали маленькую камеру осторожно, словно в ней была живая птица. Он не работал фотографом, занимался поставками оборудования. Сказал, что хочет научиться видеть что-нибудь, кроме накладных. Людмила засмеялась, хотя в шутке не было ничего особенного. Просто он смотрел на неё, ожидая ответа.

Она пришла на курсы после переезда. Старая жизнь разобралась по коробкам, новая ещё не сложилась. Игорь радовался светлой кухне и месту для машины, а ей почему-то всё казалось временным. Даже собственный муж в новой спальне выглядел человеком, которого положили на незнакомую подушку.

Геннадий говорил о свете. О том, как он ложится на лицо. О том, что у Людмилы хорошие скулы, хотя она считала, что лицо просто осунулось. При нём не хотелось рассказывать, что болит спина и заканчивается средство для мытья посуды. Ей было то двадцать пять, то тридцать семь, то снова сорок девять, но эти сорок девять неожиданно оказывались возрастом, в котором можно нравиться.

— Я принёс сыр, — сказал Геннадий. — Нож тут есть?

— Всё увезли.

— Чем-нибудь разломаем.

Они ели сыр руками, пили из стаканов. Людмила всё-таки выпила немного. Потом ещё немного, потому что Геннадий рассказывал историю о человеке, купившем неправильный станок, и изображал его голос так смешно, что она смеялась,

закрывая рот ладонью. Давно не смеялась без оглядки на соседей. Соседей здесь больше не было — почти.

Снизу донёсся короткий удар. Геннадий остановился посреди фразы.

— Что это?

— Ковалёв. Может, складывает что-нибудь.

— У него что, выходного нет?

Людмила пожала плечами. Было начало восьмого. Михаил Аркадьевич вставал рано, ложился рано и терпеть не мог, когда другие жили иначе. Так ей казалось; теперь она понимала, что не знает, когда он ложится. Из квартиры слышны бывают чужие табуретки, кашель, телевизор, а человек между этими звуками остаётся невидим.

Геннадий поставил стакан и придвинулся к ней. Потом стало не до Ковалёва.

* * *

Собирались они быстро. Геннадий посмотрел на телефон, сказал, что ему нужно ехать, и принялся искать носок. Людмила сидела на краю дивана. Ей не нравилось, как легко он после близости возвращался к своим делам, но произнести это было невозможно: пришлось бы признать, что ждала чего-то ещё.

— Ты когда сможешь? — спросила она.

— Созвонимся.

— На неделе я работаю.

— Я помню.

— И квартиру скоро передавать.

Геннадий поднял на неё глаза.

— Когда?

— В пятницу, наверное. Игорь уже договорился. Надо диван вывезти.

Он выпрямился, держа носок в руке. Людмила ожидала, что он скажет: ничего, найдём другое место. Или позовёт к себе. Он давно говорил, что с женой они живут каждый сам по себе.

— Тогда надо до пятницы успеть, — сказал он.

Людмила отвернулась к окну.

Во дворе горел фонарь. У котельной стоял человек и разговаривал по телефону; лицо из окна не было видно. На первом этаже напротив отражались фары проезжавшей машины. Мир двигался дальше, и от этого не становилось легче.

Геннадий подошёл сзади, положил ладони ей на плечи.

— Ну что ты сразу? Я не так сказал.

— А как?

— Люд.

Она не обернулась. Он поцеловал её в шею, ниже уха. Когда-то Игорь делал точно так же, и это сходство вдруг рассердило её на обоих.

— Пойдём, — сказала она.

Свою куртку Геннадий застегнул в прихожей. Людмила

потушила свет. Потом вернулась, потому что забыла шарф. Геннадий ждал на лестничной площадке, листал телефон. Где-то в подъезде разговаривал мужчина; слов было не разобрать.

— Там кто-то есть, — шепнула она.

— Ну и что?

— Подожди.

Геннадий посмотрел на неё с усталостью, которую даже не попытался скрыть.

— Мы что, крадёмся?

— Тише, пожалуйста.

Он убрал телефон. Они постояли у двери. Голос затих. Людмила слышала собственное дыхание и никак не могла сделать его тише. Потом хлопнуло, по перилам прошла короткая дрожь. Людмила выждала ещё немного.

— Всё? — спросил Геннадий.

Они спустились. На третьем этаже дверь двадцать девятой была закрыта. Из-под неё тянулся узкий светлый прямоугольник. Людмила спускалась боком, ставя туфли на край ступени. Геннадий уже был на пролёт ниже.

Внизу она вспомнила, что машина остаётся во дворе.

— Ты меня довезёшь?

— Я на такси.

— Ну вместе?

Он помедлил совсем немного. Ей хватило.

— Мне в другую сторону. Давай тебе вызову.

Людмила вышла из подъезда первой. На улице было холодно. От вина и духоты в комнате лицо горело. Геннадий встал рядом, заказал машину, сообщил ей номер. Около кофемашин уже никого не было.

До приезда такси оставалось четыре минуты. Они стояли в трёх шагах от её белой машины и разговаривали о том, что осень быстро наступила. Геннадий похвалил куртку. Она ответила, что куртка старая, он уже видел её в ней. Он сказал: «Значит, идёт». Людмила почувствовала, что устала так, словно целый день двигала мебель.

Когда такси приехало, Геннадий открыл ей дверь. На экране телефона высветилось время: двадцать тридцать пять. Людмила запомнила его, потому что пообещала Игорю быть к девяти и успевала. Это ещё можно было считать маленькой удачей.

— Напишу, — сказал Геннадий.

Она кивнула. Он захлопнул дверцу, и Людмила тут же потянулась к ремню, чтобы не видеть, как он уходит.

* * *

Утром во дворе Геннадий позвонил сам.

Людмила уже поговорила с полицейским, назвала фамилию, объяснила, что приехала за машиной. Белая дверь была покрыта мелкими каплями, хотя дождя ночью, кажется, не было. Она водила пальцем по стеклу, оставляя прозрачную

полосу.

— Почему у тебя голос такой? — спросил Геннадий.

— Здесь человек умер.

— Где?

— В доме. Ковалёв. Тот, на третьем этаже.

На другом конце стало тихо.

— Утром?

— Нашли утром. Я не знаю, когда.

— Упал?

— Я не знаю, Гена.

— Пожилой?

— За семьдесят.

— Ну...

Он не закончил. Людмила прижала телефон плотнее к уху.

— А если там вчера кто-то был? Мы же слышали мужчину, когда выходили.

— Мы ничего не слышали.

— Я слышала.

— Люда, там дом. В доме люди разговаривают. Что ты сейчас хочешь?

Она посмотрела на полицейские машины. По двору шёл Руслан Быстров, сутулясь под рюкзаком. С ним рядом был незнакомый мужчина. Они отошли за машину. Раиса сидела на скамейке, уже с сыном.

— Спросят, где я была, — сказала Людмила.

— Ты вещи забирала.

— С вином?

— Господи, стаканы мы вымыли. Бутылку я забрал. Ты сама говорила, что в доме все должны съехать.

Людмила закрыла глаза. «Бутылку я забрал» прозвучало не как забота. Скорее как отчёт человека, проверившего, всё ли сделал перед уходом.

— Гена, ты можешь просто сказать, что был со мной?

Он ответил не сразу.

— Могу. Если действительно понадобится. Только зачем всем устраивать неприятности из-за того, что старик упал? Давай сначала выясним, о чём вообще речь.

— Ты уже решил, что упал.

— Я не решил. Давай подождём, что скажут.

Людмила ждала, что он спросит, не нужна ли ей помощь. Или предложит приехать. Геннадий молчал, и ей стало неловко за собственное ожидание: она опять просила у него больше, чем он собирался дать.

— Я тебе перезвоню, — сказала она.

— Не накручивай себя.

Она отключилась. Пальцем всё ещё водила по стеклу. На нём получился большой прозрачный круг, внутри которого отражалось её лицо.

— Людмила, — позвали сзади.

Евгения Жарова стояла в двух шагах. Не подошла вплотную, не пыталась заглянуть в телефон.

— Ты вчера видела Михаила Аркадьевича?

— Нет. То есть слышала.

— Давай расскажешь.

Людмила убрала телефон в карман. Ей хотелось сначала поправить волосы, застегнуть молнию, спросить, как поживает Тамара Львовна. Сделать что-нибудь, после чего можно разговаривать как знакомые.

— Я была в своей квартире, — сказала она. — До половины девятого. Мне нужно вещи собрать.

Жарова кивнула.

— Кто-нибудь был с тобой?

Людмила посмотрела на окно тридцать третьей. Шторы она сняла ещё в августе, и теперь стекло ничего не скрывало. Вчера вечером, когда они зажгли лампу, комната была видна со двора почти целиком.

— Да, — сказала она. — Был.

Глава 6. Тамарина дочь

Мать узнала о Ковалёве раньше, чем Евгения успела ей позвонить.

— Мне Раиса сказала, — объяснила она. — Не сама. Я позвонила спросить, как у них переезд.

Евгения стояла у автомата с кофе. На стакане, выданном автоматом, образовалась мягкая складка; она всё время поворачивала его, чтобы не держать пальцы на горячем.

— Ты с ней разговаривала после трёх?

— Не помню. После обеда.

— Я не для протокола, мам. Просто она очень устала сегодня.

— Я понимаю, когда человеку тяжело.

Тамара Львовна обиделась с той быстротой, которой дочь всегда завидовала: ей не требовалось время, чтобы решить, как относится к сказанному. Евгения попробовала кофе. Горький, безвкусный, горячий. Она покупала его уже который месяц и каждый раз удивлялась.

— Прости. Не хотела тебя учить.

Мать помолчала, принимая извинение.

— Ты сегодня заедешь?

— Не знаю пока.

— Я судака сделала.

— Откуда судак?

— В магазине покупают. Не сама ловила.

Евгения улыбнулась впервые за несколько часов.

— Если выберусь, позвоню.

— Не надо звонить. Он будет в холодильнике.

Это означало, что мать ждёт до любого времени. Евгения сказала, что постарается, хотя такие обещания следовало запретить выдавать людям её профессии. Она сама терпеть не могла, когда ей говорили «постараюсь» вместо ответа.

Шестаков нашёл её возле автомата.

— Людмила дала контакт мужчины. Геннадий Лямин. Они были вдвоём до половины девятого. Такси ей заказал Лямин, сведения о поездке проверяем. Ковалёва не видели, слышали мужской голос в подъезде, когда выходили. Слов не разобрала.

— Она сама назвала Лямина?

— После вопроса. Просит мужу не сообщать.

— Для начала поймём, относится ли муж к тому, что нам нужно проверять.

Шестаков кивнул.

— Дочь Ковалёва едет завтра. Ирина Михайловна. По её словам, документы на новую квартиру оформлены, осталась передача старой. Документы покажет. Удивилась, что отец собирался к Горбуновой.

— Не знала о них?

— Знала. Не знала, что переезд в понедельник.

Евгения смяла пустой стакан. За окно уже пришли ранние

сумерки. День заканчивался, но бумаги, напротив, начинали прибывать: объяснения, фотографии, первые результаты осмотра, список квартир с разным правовым положением, номера телефонов людей, каждый из которых знал не то, что от него хотелось узнать.

Она спросила о доме. Выяснилось, что простое выражение «всех расселили» не подходило. Большинство уехало; часть квартир была передана, часть оставалась у собственников до завершения договорённостей. В одной ожидали вывоза крупной мебели, в другой спорили о сроке передачи. Коммуникации ещё не отключили полностью. Ковалёв был последним, кто постоянно и открыто там жил. Это не означало, что дом стал пустым.

— Они друг про друга знают, — сказал Шестаков. — Но каждый считает, что его собственное присутствие — исключение.

Евгения вернулась к столу. На фотографиях лежали коробки с надписями «НЕ БРОСАТЬ» и «ТОЖЕ». Она увеличила снимок кухни. Пятно у стола было снято с масштабной линейкой, отдельно — смазанная полоса. Пока не было лабораторного ответа, оставалось называть его пятном, каким бы очевидным оно ни казалось.

Телефон погибшего забрали для исследования. Сломанный экран не означал, что содержимое пропало; но и извлекать его мысленно, составляя в голове удобный разговор, было рано. Евгения записала на отдельном листе: последний

известный звонок Раисе — восемнадцать ноль семь. Ждал человека. Имя, время и даже пол не установлены.

Рядом появился ещё один лист: Руслан, возврат восьми тысяч Надеждой в пятницу, подтверждение перевода. Получатель совпадает, поступление требует проверки. Вчерашние слова Ковалёва Руслан теперь пересказывал осторожнее. «Не собирался напоминать о деньгах», — это он помнил. «Пора отдавать долги» — тоже. Как соединить одно с другим, не знал.

Евгении нравились такие места в объяснениях меньше, чем откровенное враньё. Лжеца можно было поймать на противоречии. Человек, который ошибался сам, приносил свою уверенность в подарок и обижался, когда подарок не принимали.

Она посмотрела на записанную фамилию Кулигина. Подчеркнула не фамилию, а фразу «видел днём». Затем ещё раз: «по звонкам восстановлю». И отложила лист вместе с остальными.

* * *

Через Новый Волжский мост Евгения ехала уже в темноте. Внизу лежала река, широкая, почти без различимого течения. На другом берегу окна складывались в длинную неровную строку. За день Тверь успела стать осенней окончательно, будто утреннее белое небо ещё могло обещать дру-

гое время года, а теперь передумало.

Мать жила в доме с лифтом. Лифт пах луком, потому что кто-то вёз сетку и рассыпал шелуху у дверей. Евгения поддела ботинком красноватый лоскуток, застрявший в пазу, и вытащила его. Так получилось, что за весь день это было первое дело, которое удалось закончить сразу.

Тамара Львовна открыла в фартуке, хотя рыбу давно убрала в холодильник.

— Руки мой. Будешь салат?

— Буду всё.

— Не говори так. Потом оставишь.

Кухня была освещена слишком ярко. Мать недавно заменила лампу, потому что, по её словам, при прежней ничего нельзя было найти. Теперь находилось всё, включая мелкие трещинки на старых чашках. Евгения села на своё обычное место, спиной к окну.

Мать положила ей рыбу и картошку, затем всё-таки достала салат. Некоторое время они говорили о водяном счётчике, который кто-то обещал проверить, о соседке, купившей огромный цветок, о двоюродной сестре, приславшей фотографию моря. Тамара Львовна смотрела на эту фотографию с подозрением: в октябре вода не может быть такой синей, наверняка подкрасили.

— Это Сочи, мам. Там ещё тепло.

— Тепло и синий цвет — разные вещи.

Евгения засмеялась с набитым ртом. Мать строго посмот-

рела на неё и сама улыбнулась.

Потом разговор кончился. Рыба осталась на тарелке маленькой горкой белых волокон. Мать выключила вытяжку, и сразу стало слышно, как за окном тормозит автобус.

— Ты сегодня в нашем подъезде была, — сказала она.

— Была.

— Как там?

Евгения хотела сказать: пусто. Но это было уже неверно.

— Стены всё ещё зелёные. Дверь у нашей квартиры дру-
гая.

— Её давно поменяли. Ещё первые, кому продали.

— Ты заходила?

— Один раз. К Раисе.

Евгения не знала об этом визите. Удивилась, будто мать должна была получать разрешение посещать прежний дом.

— А Ковалёв? Ты с ним общалась потом?

Тамара Львовна посмотрела внимательно.

— Это уже по работе?

— Если о событиях последних дней — да. Если ты давно не общалась, то просто спрашиваю.

— Давно. На улице видела года три назад. Поздоровались. Спросил про тебя, я сказала, что работаешь здесь. Он почему-то решил, что ты адвокат.

— Все так решают.

— Ну, не все знают разницу.

Мать убрала со стола тарелку, хотя дочь ещё не закончила

есть. Евгения не возразила. Тамара Львовна села напротив и разгладила ладонью клеёнку.

— Неприятный он бывал, — сказала она.

— Кто?

— Михаил. Ты спрашиваешь, я отвечаю.

— Я помню, он нам кран чинил.

— Чинил.

— И велосипед.

— Да. Это не мешало ему быть неприятным.

Евгения взяла чашку. Не хотела спорить о мёртвом, но вдруг обнаружила, что уже готовит возражения: бесплатно чинил, никогда ничего не просил, приносил конфеты на Новый год. Она знала о человеке несколько детских эпизодов и была готова защищать ими все остальные годы.

— Он мог помогать, — продолжила мать. — А потом при других объяснять, как тебе следовало жить, чтобы его помощь не понадобилась. Помнишь, у нас стиральная машина потекла?

Евгения помнила воду на полу, ведро, свои мокрые колготки. Мать отправила её к Раисе, где дали чай и пряники.

— Он потом неделю всем рассказывал, что я бельё неправильно закладываю. На скамейке рассказал. В магазине рассказал. Будто это самое интересное, что ему за неделю попало. А у машины шланг лопнул, и всё.

— Ты ему сказала?

— Сказала. Он смеялся. «Тамара, не выдумывай, никто

про тебя плохо не думает». Очень удобно.

Мать говорила без обиды, отстранённо, словно вспоминала плохую погоду на давней поездке. Евгения почему-то обиделась вместо неё.

— Я этого не знала.

— Тебе пятнадцать было. Тебе и не полагалось всю мою жизнь знать.

Пятнадцать лет. Девяносто восьмой. Значит, вода, ведро и мокрые колготки относились к другому случаю, более раннему. У них действительно что-то текло не один раз. Евгения поставила чашку. Память не любила, когда у неё просили документы.

— А почему мы уехали? — спросила она.

— В смысле?

— Ты всегда говорила, что мне удобнее будет учиться, к вокзалу ездить, всё это.

— И было удобнее.

— Только поэтому?

Тамара Львовна усмехнулась.

— Нет, Женя. Не только поэтому. Я хотела другую жизнь. С Сергеем. Ты же помнишь Сергея.

Конечно, она помнила. Он прожил с матерью семнадцать лет. Потом долго болел; Евгения возила его по врачам и терпеливо слушала его рассуждения о том, что молодые доктора ничего не знают. Но в её памяти сам переезд почему-то принадлежал ей — её экзаменам, её поступлению, началу её

взрослой жизни. Мать и Сергей устроились как бы сбоку от этого большого события.

— Ты боялась мне сказать?

— Нет. Я тебе говорила. А ты, наверное, услышала то, что было про тебя.

Евгения посмотрела на мать. Та сидела в фартуке, положив локти на стол; справа от неё лежала газета с программой, которой давно никто не пользовался. Стало стыдно за вопрос, заданный тоном следователя: отчего же вы, Тамара Львовна, скрыли существенное обстоятельство своего переезда.

— Возможно, — сказала она.

Мать кивнула, принимая ответ без торжества.

— Раиса тоже жить хотела. А не только всем помогать. Очень надеюсь, Егор это успел понять.

Евгения вспомнила, как он держал сумку на коленях. Сказала:

— Думаю, да.

Уже в прихожей Тамара Львовна протянула дочери контейнер с рыбой. Евгения начала отказываться и тут же остановилась: сил готовить завтра всё равно не будет.

— Тот дом скоро снесут? — спросила мать.

— Не знаю точной даты. Пока не полностью передали.

— Хорошо бы всё же успеть.

— Куда?

Мать посмотрела на неё удивлённо.

— Посмотреть. Мне ведь тоже интересно, как там теперь.

Евгения чуть не сказала, что смотреть не на что. Вместо этого ответила, что сейчас часть дома закрыта для осмотра и просто так туда идти не нужно. Потом, когда будет можно, она узнает.

Тамара Львовна поправила на ней воротник — быстро, раньше, чем дочь успела увернуться, — и открыла дверь.

* * *

Дома Евгения положила рыбу в холодильник, но куртку снимать не стала. Достала рабочий блокнот и написала ещё одну строку: «Прежние знакомства — отдельно от проверяемых сведений». Посмотрела на неё и зачеркнула. Строка выглядела так, будто достаточно её написать и вопрос будет решён.

На чистом листе она составила список людей, которых сегодня узнала сама, до представления. Раиса, Людмила, Руслан, Антон. Рядом — что знала о каждом до вызова. Получилось неожиданно мало. Старые квартиры, род занятий родителей, одна история с велосипедом, обрывки разговоров взрослых.

О матери она бы вчера написала больше. И всё равно ошиблась бы.

Телефон зазвонил, когда она наконец сняла куртку. Олег Витальевич уточнял время, в которое завтра можно связать-

ся по результатам исследования. Евгения ответила, записала. Спросила, есть ли сейчас что-то, что необходимо учесть немедленно.

— Дождись утра, — сказал он. — Но к одному падению я бы не привязывался.

После разговора она погасила свет в кухне. На стуле осталась сумка, в которой она привезла рыбу. Евгения снова зажгла свет, разобрала сумку, помыла вилку, убрала мелочь. Обычная работа руками помогала больше, чем второй кофе.

Легла она позже, чем собиралась. Перед сном ещё раз увидела в памяти открытую квартиру, коробки в прихожей и голую стену там, где прежде висели фотографии. Люди, которых увезли с этих стен, ничего не могли рассказать ей о последней ночи.

Глава 7. Рубашка для отца

В понедельник утром, когда у двора остановился грузовой фургон, Раиса уже знала, что никто не успел отменить машину.

Водитель позвонил ей без двадцати десять. Был недоволен, потому что Михаил Аркадьевич не брал трубку, а сам водитель ждать просто так не мог: следующая перевозка к двенадцати. Раиса объяснила, что произошло. Мужчина умолк. Потом спросил, кому вернуть задаток.

— Оставьте, — сказала она. — Вы приехали.

Он отказался. Она продиктовала номер, а после разговора долго смотрела на экран, где появилось уведомление о поступлении тысячи рублей. Это были чужие деньги, отправленные ей за несостоявшийся переезд. Раиса не знала, положить ли их в конверт для Ирины или пока ничего не делать.

Ирина ехала из Ярославля. Они разговаривали вечером, но коротко. Раиса сказала, что приедет, если понадобится помощь. Ирина ответила: «Спасибо, я позвоню». Ровным голосом, без тепла и без неприязни. Женщина, которой умерший приходился отцом, и женщина, которая собиралась делить с ним шкаф, ещё не решили, кем теперь приходится друг другу.

Предварительные сведения Евгения получила в начале десятого. Медик говорил осторожно, но смысл уже не оставлял возможности ограничиться версией случайного падения. На шее обнаружены повреждения, требующие отдельной оценки; совокупность признаков указывала на сдавление. Повреждение головы само по себе не объясняло смерть. Окончательные выводы должны были войти в заключение после необходимых исследований.

Евгения слушала, делала записи, уточняла, что именно можно считать установленным на этом этапе. Он не называл минут и не обещал вычислить их позднее. Время оставалось интервалом, в который попадала значительная часть ночи.

После разговора она пошла к Прохорову. Обсудили возбуждение дела, первоочередные действия и состав группы. Она передала ему подготовленное сообщение о прежнем проживании в доме. Он прочёл его, спросил ещё о контактах с Ковалёвым и его семьёй.

— Дочь когда видела последний раз?

— Школьницей. Она старше меня. Разговора не помню.

— С остальными соседями какие отношения сейчас?

— До вчерашнего вызова никаких. С матерью они могут созваниваться, но о событии она ничего не знает.

Прохоров положил лист к остальным материалам. Сказал,

что на сегодня оснований менять следователя не видит; если выяснится иное, Евгения должна сообщить сразу. Она кивнула. Вопрос был решён без торжественного доверия, и это устраивало её больше всего.

К двенадцати они с Шестаковым снова приехали к дому. Возле подъезда уже стоял мужчина с телефоном на короткой палке. За ним переминалась девушка в тонком пальто. Мужчина говорил в камеру, выбирая выражение лица, подходящее к пустым окнам.

— Последний жилец отказался уезжать, — донеслось до Евгении. — И вот его находят...

Девушка заметила подъехавшую машину и тронула мужчину за локоть. Он выключил запись.

Шестаков вышел первым. Обозначил, где нельзя находиться, предложил за официальной информацией обращаться в установленном порядке. Мужчина возразил, что двор общественный. Никто с ним о дворе не спорил. До подъездной двери он всё-таки больше не подошёл.

Евгения посмотрела на дом. Вчера ещё существовало восемь тысяч долга, чьё-то свидание, неубранный диван. Сегодня появлялась история о старике, который мешал сносу. Она была удобна всем, кто не собирался входить внутрь.

У ограждения стояла женщина лет сорока восьми с плотной дорожной сумкой. Взглянув на неё, Евгения поняла, что это дочь: Михаил Аркадьевич так же чуть поднимал подбородок, прежде чем заговорить с незнакомым человеком.

— Ирина Михайловна?

— Да.

— Евгения Жарова. Мы вчера говорили.

— Я вас помню, — сказала Ирина. — Ваша мама очень красивые платья носила.

Евгения растерялась. О материнских платьях она давно не думала. Хотела ответить что-нибудь человеческое и не нашла. Повторила соболезнование, объяснила, куда сейчас можно пройти.

Ирина приехала одна. Муж остался с младшим ребёнком, старшая дочь училась в Санкт-Петербурге. О ней Ирина сообщила почему-то сразу, словно оправдывала пустое место рядом с собой. Евгения не стала спрашивать, почему семья не сопровождала её; предложила сесть в машину, пока уточняют дальнейший порядок.

Но Ирина осталась стоять.

— Я привезла одежду. У него своя есть, но вдруг там... нельзя брать.

— Разберёмся.

— Я не знаю размер воротника. Сорок второй? Он в последнее время похудел.

Евгения посмотрела на её сумку. Ирина держала обе ручки в одной руке, так крепко, что побелели пальцы.

— Ирина Михайловна, — сказала Евгения, — у нас есть основания думать, что на вашего отца напали. Не все повреждения объясняются падением. Мы ещё ждём заключений.

Ирина не сразу поняла. Евгения увидела, как меняется лицо, когда слова наконец соединяются.

— Его убили?

— Мы расследуем эту версию как основную. Подробности сейчас устанавливаем.

— Кто?

— Пока не знаем.

Ирина оглянулась на человека с телефоном. Тот стоял достаточно далеко, чтобы не слышать, но достаточно близко, чтобы видеть их лица. Она повернулась спиной к нему.

— Пойдёмте, пожалуйста, куда-нибудь отсюда.

* * *

В квартире пахло так же, как вчера. Только запах казался более неподвижным, будто ночь была проведена здесь всеми вещами одновременно. Вход и маршрут, по которому можно пройти, определили заранее; то, что требовало сохранения, оставалось недоступно. Ардова была с ними. Ирине объяснили, что именно сейчас можно взять, остальное попросили не трогать.

Она остановилась у коробки с надписью «ТОЖЕ».

— Ну конечно, — сказала тихо.

Не улыбнулась. Просто узнала отца.

Из шкафа выбрали пиджак и брюки. Ирина держала их на вытянутых руках, проверяла карманы. Ардова попросила

оставить это ей, спокойно, без окрика. Женщина извинилась и отошла к окну.

— Он мне говорил, что ещё ничего не упаковал, — сказала она. — В пятницу звонил, жаловался, сколько всего надо перебрать. Я предлагала приехать в выходные. Сказал, не нужно.

— А то, что в понедельник переезжает, не говорил?

— Нет. У него всё было «на неделе». Я уже не верила, если честно.

Евгения спросила о новой квартире. Ирина принесла документы в отдельной папке. Объяснила, чем закончились споры, почему они затянулись. Сначала отец не принимал предложенное, потом спорил об условиях, затем сам менял мнение. Было и упрямство, и вещи, которые его действительно не устраивали. Дочь говорила без желания кого-либо оправдать: ей приходилось ездить с ним и разбираться, поэтому она знала больше тех, кто видел только человека на скамейке.

— В сентябре всё основное уладили, — сказала она. — Я думала, теперь-то успокоится. А он начал про инструменты. Куда я верстак поставлю, куда станочек. Какой станочек? Он маленький, настольный, папа. Поставишь на стол. Нет, всё не так.

— Вещи хотел везти к Раисе Константиновне?

Ирина поджала губы. Евгения подождала.

— Да, я поняла уже. Вчера.

— Вы были против?

— Нет.

Ответ получился слишком быстрым. Ирина вздохнула и поправила себя:

— Мне не нравилось, что он всё решает, а потом ставит в известность. Не то чтобы я могла запретить. Просто... у мамы тоже вещи были. Тут. Фотографии. Куда они теперь?

Евгения посмотрела на голую стену. Ардова стояла у шкафа и не вмешивалась.

— Возможно, среди собранного. Когда разрешат разбирать эти вещи, сможете поискать.

— Раиса их не выбросила бы, — сказала Ирина, будто возмущалась не Евгении, а себе. — Я понимаю. Она не такая. Это он мог сунуть куда-нибудь, а потом не помнить.

На полке в прозрачной упаковке лежала серая пижама. Ирина увидела её и протянула руку, но остановилась, вспомнив просьбу ничего не трогать.

— Новая.

— Он покупал перед переездом, — ответила Евгения.

— Он?

Удивление было таким неподдельным, что Евгения поневоле улыбнулась.

— По словам Раисы Константиновны.

Ирина опустилась на стул, стоявший в разрешённой для прохода части комнаты. Сумку поставила рядом.

— Он мне всё говорил: куда мне уже. В моём возрасте.

Зачем мне это. Я привыкла. А он пижаму купал.

Она потёрла ладонями лицо. Плакать не стала, только долго не убирала рук.

Евгения знала, что нужно выяснить последние разговоры, конфликты, деньги, возможные визиты. Но сейчас вопросы лежали в блокноте, и он оставался закрытым. Ардова молча положила вещи в чистый пакет.

Через минуту Ирина сама спросила:

— Вы Раисе сказали? Про то, что не падение?

— Ещё нет. Я с ней свяжусь.

— Я сначала могу ей позвонить? Не рассказывать подробности. Просто...

Она не закончила. Евгения сказала, что, конечно, может.

* * *

Внизу журналиста уже не было. Зато у котельной стояли двое мужчин, обсуждали трубы. Один показывал на край крыши, другой смотрел в телефон. Дом оставался местом, где кому-нибудь обязательно нужно было выполнить работу, даже если внутри недавно убили человека.

Ирина вышла с двумя пакетами и своей дорожной сумкой. У машины её ждала Раиса. Пришла сама, без Егора, в другой куртке. В руках держала плотный конверт и рубашку на плечиках, накрытую прозрачным чехлом.

Они остановились друг перед другом. Раиса начала пер-

вой:

— Я вчера ему несла. Постирала. Она хорошая ещё.
Ирина посмотрела на рубашку.

— Спасибо. Я тоже привезла, но у меня, наверное, воротник не тот.

— У него сорок третий. Эта свободная.

Раиса протянула плечики. Ирина перехватила пакеты и взяла рубашку, чуть приподняв, чтобы не волочить чехол по земле. Они обе занялись ею слишком внимательно: разгладили, поправили плечо, проверили пуговицу у манжеты. Так проще было стоять рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.